

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Ученые записки НТГСПА

2004

**Материалы VI Всероссийского популяционного семинара
«Фундаментальные и прикладные проблемы
популяционной биологии»**

Нижний Тагил
2004

СМИРНОВ Н. Г., член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН, заведующий кафедрой зоологии УрГУ. Автор более 130 научных работ, в том числе: *Плейстоценовые грызуны севера Западной Сибири* М.: Наука, 1986 (монография в соавторстве); *Мелкие млекопитающие Среднего Урала в позднем плейстоцене и голоцене*. Екатеринбург, 1993 (монография); *Late Pleistocene distribution and diversity of mammals in Northern Eurasia (PALEOPHAUNA Database) // Paleontologia I Evolucio. V. 28–29. 1995* (коллективная монография); *Скорость морфологических изменений в популяциях как одна из характеристик хронологической структуры эволюционного процесса // V Всероссийский Популяционный семинар «Популяция, сообщество, эволюция»*. Казань, 2002.

Область научных интересов – история современной биоты в кайнозое и закономерности морфологической эволюции млекопитающих.

ПАМЯТИ В. В. КОРОНЫ: О ТОМ, ЧТО ОН СДЕЛАЛ И НЕ СДЕЛАЛ

История науки складывается из истории идей, истории научных коллективов и жизней отдельных людей. Порой они причудливо переплетаются, в других случаях развиваются относительно независимо. Пример В. В. Короны – это жизнь самостоятельного и во многом одинокого исследователя. Это не значит, что он работал вне русла истории развития биологических идей, вне крупных научных магистралей. Нет, он развивал идеи применения структурного анализа в морфологии растений вполне в духе И. В. Гете, А. А. Любищева, С. В. Мейена, но пришел он к ним в значительной мере самобытно. Работая вне дружественной научной среды, он постоянно ощущал свой отрыв от жизни профессиональных коллективов и коллег – морфологов растений. В то же время, обращая аппарат структурного анализа к текстам художественных произведений, В. В. Корона находил понимание в среде филологов-профессионалов – и чуть было целиком не погрузился в эту отрасль гуманитарной проблематики.

Широта интересов, самобытный взгляд на устройство мира, острый интеллект в сочетании со своеобразным юмором создавали неповторимое своеобразие его личности. К нему относились полярно: у одних это своеобразие рождало симпатию и притягивало, а у других вызывало непонимание, раздражение и отторжение.

Почти все научные работники неудобны для начальства своей необычностью, а такие, как В. В. Корона, – еще и умением задавать несвоевременные вопросы. Такие люди нарушают технику безопасности и трудовую дисциплину, норовят проникнуть в служебные помещения в праздничные и выходные дни и т. д. и т. п. В. В. Корона был ярким образцом такого неудобного ученого, хотя выглядел очень строго и традиционно – всегда в пиджаке и галстуке. Другим его почти никто не знал. Таким и запомнили.

Одно из назначений человеческой памяти – в том, чтобы живущие могли вспоминать об ушедших. Об одних вспоминают только родные и близкие, о других пишут некрологи в научных журналах в разделе «Потери науки», именами третьих называют улицы, города и пароходы. Чьи-то имена присваивают институтам и университетам, за память

других друзья по датам молча чокаются и вспоминают их про себя без всяких дат.

Когда в 56 лет умер академик С. С. Шварц, мы, сотрудники Института экологии растений и животных УрО РАН, очень хотели, чтобы его имя было присвоено его Институту, однако оказалось, что в АН СССР по каким-то правилам это было возможно только в тех случаях, когда умерший был не «простым» академиком, а непременно членом Президиума АН СССР. Так до сих пор память о С. С. Шварце и живет без его имени на бланке Института. Она действительно живет в воспоминаниях многих биологов, тех людей, которые способны оценить масштаб его личности. Зафиксирована она и в названии улицы в г. Екатеринбурге (правда, большинство горожан, к сожалению, не знают, в честь какого именно Шварца названа улица: то ли композитора Исаака Шварца, то ли еще кого; в Советском Энциклопедическом Словаре семь Шварцев). Изданы воспоминания о Станиславе Семеновиче, недавно вышла еще одна книга (Большаков, Добринский, 2002), учрежден диплом для молодых ученых и т. д. Ведь Станислав Семенович Шварц был директором Института, главой крупной научной школы, организатором и главным редактором журнала «Экология». Он реально вершил научные, а часто и личные судьбы многих людей.

К семидесятилетию образования отделения Академии наук на Урале, на здании Уральского государственного университета открывали мемориальные доски. Там сейчас есть доска памяти академика С. В. Вонсовского, академика А. Т. Мокроносова, великого русского биолога Н. В. Тимофеева-Ресовского, а вот доску памяти академика С. С. Шварца изготовили, но не повесили. Оказалось, что те, кто ее заказывал, уже забыли имя и отчество: написали Сергей Сергеевич, и вышел конфуз.

У недавно (25 июля 2001 г.) ушедшего от нас в возрасте 54 лет В. В. Короны нет почти никаких из этих знаков памяти. Он не был не только академиком, но даже доктором наук. А ведь мог бы быть и тем и другим. Кто знал Валентина Ванифатьевича – всякий скажет, что эрудиции, интеллекта и много чего у него хватило бы и на несколько докторов. Это вовсе не гипербола – ведь ему совершенно

серьезно предлагали защищать докторскую диссертацию по филологии, да и по ботанике докторская работа была почти закончена.

Его знали многие люди... Он был преподавателем, и не просто почти всю взрослую жизнь читал лекции студентам, а воспитал немало учеников... Он часто выступал на школах и семинарах, и не просто выступал, а запоминался... Легко находил интересные темы для разговора даже с малознакомыми людьми, потому что много знал и умел заинтересовать собеседника парадоксальным взглядом на предмет... Многие могли бы сказать в память о нем что-то свое, но в первый момент, узнав об этой смерти, просто были так ею подавлены, что оказались не в силах собраться с мыслями и чувствами.

Его друзьям и коллегам-филологам надо низко поклониться – они быстро смогли собрать и выпустить сборник статей памяти Валентина Ванифатьевича в серии под названием «Архетипические структуры художественного сознания», выпуск 3 (Екатеринбург, 2002)*. У предыдущего, второго выпуска он был одним из научных редакторов; там напечатана работа «Мороз Красный нос и жена его Дарья», которую он называл своей самой лучшей. Валентин так и сказал мне, когда дарил этот сборник. Я возразил ему – «Какие твои годы, лучшие еще впереди!» На это он как-то горько улыбнулся и повторил – «Эта – лучшая».

И вот теперь третий выпуск – его памяти. Кто как смог, так принял участие в этом издании. Я не сумел написать что-нибудь вразумительное, а только поместил туда эмоциональный и совсем нереалистичский по форме рассказ «Осенний день Эллина, или Мечта о шестиугольных снежинках», где постарался передать то внутреннее состояние, которое испытывал Валентин Ванифатьевич в последние годы работы в Университете, перед его переходом в Институт экологии растений и животных, где он работал последнее время.

* В данном выпуске используется система ссылок, принятая в журнале «Экология»: в круглых скобках приводится фамилия автора (или название работы) и год издания. – *Ред.*

В этом сборнике есть раздел с воспоминаниями о Валентине Ванифатьевиче, список его трудов из 20 названий по биологии и 14 по филологии, часть его переписки, две ранее не публиковавшиеся филологические работы: «Софийный мир Анны Ахматовой» и «Визитка ведьмы», поэзия и проза других авторов в русле и в духе филологических интересов В. В. Короны.

Список трудов по биологии открывают тезисы доклада на XIV международном генетическом конгрессе: «Морфогенез листа с позиции теории клеточных автоматов» (Корона, 1978). В этой короткой заметке уже намечен своеобразный взгляд на морфологию листа растений, который развит во многих последующих работах. Среди них и методические поиски, и теоретическое осмысление проблем морфологии с разных позиций, и монографическое изложение целостной, своеобразной концепции. Особенно следует выделить книги: «Основы структурного анализа в морфологии растений» (1987 г., издательство УрГУ) и «Строение и изменчивость листьев растений: Основы модульной теории», написанную в соавторстве с А. Г. Васильевым и вышедшую в 2000 г. Эта последняя книга была задумана как первый том двухтомного издания. Второй том должен был содержать фактическую часть, иллюстрирующую приложение выдвинутой теории к анализу мирового разнообразия формы листовых пластинок растений. Этот второй том остался в незаконченных черновиках.

Последней в списке работ по биологии стоит статья «Происхождение жизни на Земле» (Корона, 2001). Это лекция, которую прочитал Валентин Ванифатьевич перед слушателями III Всероссийского популяционного семинара; она опубликована в трудах этого семинара. Лекция глубокая по содержанию и блестящая по форме. После составления обсуждаемого списка вышли из печати и продолжают выходить еще несколько работ В. В. Короны. Последние годы жизни были для него особенно продуктивны.

Работы по филологии помещены в отдельный список, но они органически связаны с тем, что Валентин Ванифатьевич делал в биологии. Просто объекты исследования были разными, а проблема одна – структурные закономерности организации систем. Работы в области филологии потребовали вхождения в новый круг задач, понятий, терминов. Начало этим публикациям положено в 1996 г.; часть работ еще не опубликована, но обязательно выйдет из печати, так как к ним есть интерес и внимание у профессионалов. На протяжении четырех лет Валентин Ванифатьевич шел через ряд относительно частных работ к выходу самой заметной работы в этой области – книге «Поэзия Анны Ахматовой: Поэтика автовариаций», вышедшей в 1999 г. в издательстве УрГУ. Нет смысла комментировать этот труд в двух словах. Он вызвал глубокий интерес специалистов, критику, рецензии. Его следует читать, если только читатель подготовлен к воспри-

ятию серьезной филологической работы со своеобразным методическим подходом; это вовсе не легкое развлекательное чтение.

Вышедший сборник рассказывает о том, как действительно все сложилось в его жизни, чему помешала рано пришедшая смерть, но хотелось бы вспомнить еще и о том, о чем большинство просто не знает, а многие из тех, кто знал, – быть может, забыли. Я решил вспомнить не то, что он сделал, а то, чего В. Корона не сделал: то есть о том, как он не стал кандидатом наук в двадцать пять и доктором в тридцать три, и так далее...

Во все времена для благополучной научной карьеры, кроме высшего образования и прилично работающих мозгов, нужны еще и разные другие качества и обстоятельства.

Сначала о происхождении. Родители Валентина – Ольга Макаровна и Ванифатий Константинович (грек по национальности) никакими науками не занимались и были очень от них далеки, но, как большинство родителей нашего поколения, высоко ценили образование и старались обеспечить все условия для учебы своих детей.

Он окончил обычную школу, как говорят, по месту жительства, но это была очень неплохая школа (место жительства оказалось удачным – самый центр города Свердловска). В одном с ним или соседних классах учились дети из очень известных высокой образованностью и солидным положением в городе семей. Достаточно назвать такую фамилию, как Садовский (отец В. Г. Садовский – академик металлург, а сын М. В. Садовский – ныне член академии – физик-теоретик). И девочки в классе были под стать мальчикам – не только веселыми, но и способными к учебе. Из многих, как говорят, вышел толк. Интересы Валентина в те годы были в книгах и рассуждениях на такие темы, которые в обычной подростковой среде сочувствия не вызывают. Учил эсперанто и польский язык. Короче, интеллектуалом он был уже тогда, а из этого вытекают разные последствия. Валентин в школе был замкнутым и имел очень узкий круг общения. В эти годы его кумиром и духовным наставником был Андрей Петрович Ковалевский – историк-арабист, очень образованный и духовно развитый человек, его родственник. Виделись они нечасто, так как Ковалевский жил в Харькове, но часто обменивались письмами (часть этой переписки опубликована в упомянутом сборнике). Выбор биологического факультета состоялся не без влияния Андрея Петровича.

С 1966 по 1971 гг. Валентин был студентом биологического факультета УрГУ. Тогда самой сильной кафедрой на факультете была кафедра физиологии и биохимии растений (ФБР). Там буквально царил дух науки, доброжелательного отношения к студентам, тяги к новому в биологии. Все это было благодаря заведующему кафедрой, тогда профессору А. Т. Мокроносову.

(А. Т. Мокроносов родился в селе Ленево Свердловской области в 1928 году. Специалист в области физиологии и биохимии растений, член-корреспондент АН СССР с 1981 г., академик с 1987 г. С 1983 г. оставил кафедру в УрГУ и работал директором Института физиологии растений в Москве; скончался в 2000 г.)

Он читал курс физиологии растений так увлекательно, что я, очень далекий в своих пристрастиях от всякой биохимии и тем более физиологии, ждал каждую его лекцию и слушал их буквально раскрыв рот. Это был блеск интеллекта при спокойной и даже аскетичной форме подачи. На кафедре постоянно проходили научные семинары, в лабораториях шли круглосуточные опыты, а во время полевого сезона экспедиции отправлялись в самые экзотические уголки Советского Союза. Главным направлением работ было изучение фотосинтеза. При этом использовали самые современные для того периода методы, радиоактивные метки и прочие мудреные штуки. Студенты с первого курса все это наблюдали и в лабораториях кафедры, и на биостанции, где самая бурная научная жизнь кипела не у зоологов или ботаников, а именно на площадках и в домиках ФБР.

При распределении по кафедрам туда брали самых прилежных студентов по строгому конкурсу. Нет ничего удивительного, что Валентин очень быстро оказался в студенческом кружке этой кафедры и к окончанию учебы имел приглашение от Адольфа Трофимовича к нему в аспирантуру.

Вот так перед ним и открылась широкая дорога, идя по которой, он мог бы быстро стать преуспевающим учеником и, быть может, преемником по кафедре блестящего профессора Мокроносова: аспирант кафедры физиологии растений УрГУ.

В аспирантуру он поступил, но проучился всего один год (1971–1972). До окончания аспирантуры ему предложили перейти в ассистенты. Вакансии появлялись редко, и пока такая возможность была, решили ее не упускать. Так Валентин начал преподавательскую работу еще до окончания срока аспирантуры. Обернулось это тем, что в ассистентах он пробыл 10 лет, а кандидатской диссертации по физиологии растений так и не защитил.

Что происходило в течение этих десяти лет? Валентин Ванифатьевич читал курс биохимии, спецкурс «Рост и развитие растений», некоторые разделы курса «Физиология растений» и продолжал работать над кандидатской диссертацией, в основе которой был анализ световых кривых фотосинтеза. Когда работа была готова, он доложил ее на семинаре кафедры и получил отрицательный отзыв коллег. Сейчас уже почти никто не помнит, в чем там было дело. При подготовке этих материалов мне не удалось найти даже названия этой несостоявшейся кандидатской работы. Я только хорошо помню, как Валентин пришел ко мне домой после этого семинара, и мы долго курили в полной растерянности. Его результаты резко разошлись с итогами работы

близких коллег по лаборатории и были поставлены под сомнение. Теоретическую часть просто не обсуждали, а экспериментальная часть была признана негодной. Он очень тяжело переживал эту ситуацию, считал обвинения несправедливыми, а отношение коллег и руководителя предвзятым.

Десять лет самого продуктивного для ученого возраста оказались потраченными зря?

За это время вышло всего две статьи. Первая: Корона В. В., Руткевич Н. М. К методике определения продуктов метаболизма в свободном пространстве листьев // Вопросы регуляции фотосинтеза. Свердловск, 1973. Это еще студенческая работа.

Вторая работа – Корона В. В. Хлоропластогенез. Аксиоматический подход // Мезоструктура и функциональная активность фотосинтетического аппарата. Свердловск. 1978. С. 74–78 – совсем другого свойства. В ней впервые звучит голос того Корона, которого мы вспоминаем. В том же 1978 г. начинают выходить статьи по новой тематике, связанной с теорией морфогенеза листовых пластин. Так закончился период, связанный с лабораторией фотосинтеза.

Формальный переход на кафедру ботаники состоялся в 1982 г., за год до отъезда А. Т. Мокроносова в Москву. О своей работе над проблемами фотосинтеза Валентин Ванифатьевич не вспоминал до такой степени, что упомянутые мной две работы он не включил в список печатных трудов при поступлении на работу в Институт экологии растений и животных. Нет их и в списке работ, опубликованном в мемориальном сборнике.

На кафедру ботаники Валентина Ванифатьевича пригласил профессор И. С. Киршин, и уже не ассистентом, а доцентом. После И. С. Киршина эту кафедру возглавил профессор В. А. Мухин, а В. В. Корона проработал там до 1999 г.

Таковы факты. Выскажу и мои домыслы к этим фактам. Студенческие годы и десять лет работы на кафедре А. Т. Мокроносова – годы созревания Валентина Ванифатьевича. Проходили они сложно. С одной стороны, общение с ярким талантом исследователя Адольфа Трофимовича, подготовка и чтение таких курсов, как «Биохимия», «Рост и развитие растений» распахнули во всю ширину общебиологические познания и взгляды Валентина Ванифатьевича. С другой стороны, неудача с экспериментальной работой и обида оставили тяжелый след в характере. Но есть еще и третья, самая главная сторона. В эти годы оформился своеобразный круг структуралистских проблем, ощущение уникальной близости которых внутренним мировоззренческим устремлениям дало силы пережить все трудности на все оставшиеся годы. Отсюда и оптимизм, который изменил Валентину Ванифатьевичу только в последние недели болезни. Отсюда же спокойная уверенность в том, что он занят всерьез важным делом, перед которым многие житейские проблемы и трения с начальством – просто мышьяная возня, на которую жаль тратить время. Отсюда и взгляд эллина

на раздувающихся от собственной важности более удачливых коллег по преподавательской и научной работе, которые пытались и ему давать советы, как строить благополучную жизнь.

Он жил не с гордым, умиротворяющим ощущением избранности в узкий круг посвященных в Тайны Природы. Поводом для оптимизма было одновременно и тяжелое, и радостное время обладания редким вообще, и уникальным для каждого, инструментом поиска таких тайн. Быть владельцем и хранителем такого инструмента нужно уметь. А еще, чтобы нести это бремя, нужно иметь большую силу. Это самое бремя многие годы призывало Валентина к письменному столу, к чистым листам бумаги, к клавиатуре компьютера каждый день. Оно постоянно требовало излить, зафиксировать результаты непрерывной внутренней работы, подготовить их для передачи другим. Об этом почти физическом ощущении Валентин Ванифатьевич говорил близким. Уходить на работу не просто каждый день, а и в выходные дни, писать там работу за работой, в последние годы заставляли внутренние часы, которые вели отсчет конечного времени.

Когда болезнь была уже явной и сил для работы не осталось, он говорил об этой тяге последних лет, об этих внутренних часах. Вспоминал и о последней встрече с С. В. Мейеном, когда тот был, как теперь сам Валентин, оторван от рабочего стола смертельной болезнью. В этих людях было много общего. Валентин Ванифатьевич считал Сергея Викторовича учителем. Так, конечно, и было, но этого учителя он выбрал себе сам, их не свел простой случай или место учебы (как это было с А. Т. Мокроносовым).

Сергей Викторович Мейен выдвинул замечательный этический принцип, без которого научная работа бывает ущербной, а иногда и бесплодной, – принцип сочувствия (Мейен, 2002). Это сочувствие оппоненту – как человеку, отдающему силы науке, как и ты. Сочувствие противоположной точке зрения, как части научного поиска. Сочувствие взгляду на мир с другой, отличной от тебя стороны. Глубину этого принципа можно осознавать на собственной «шкуре» по мере накопления жизненного опыта и горьких уроков непонимания окружающих. Легче тем, кто способен учиться на примерах из чужой жизни. Жаль, что мы никогда не говорили на эту тему с Валентином Ванифатьевичем. Остается только догадываться, что бы он сказал в развитие этого принципа, исходя из своего опыта. Такие догадки дело неблагодарное – Валентин был во многом непредсказуем, и что бы он сказал, теперь уже никто и никогда не узнает. Зато есть возможность у нас, живущих, задать себе вопрос о том, как мы проявили принцип сочувствия в общении с ним, этим так рано ушедшим, много не успевшим сделать замечательным человеком.

Закончить я хочу тем же, с чего и начал: большая часть научных работников – это люди (с позиций простого среднего человека) своеобразные, часто неудобные, а с точки зрения начальства просто

невыносимые. Да и друг друга мы часто не то чтобы не бережем и не сочувствуем, а готовы в минуты страстных споров больно задеть. Потом об этом жалеем, хотим забрать горькие слова, а поздно. Все, кто знал Валентина Ванифатьевича, отдают долг памяти. Многим остается лишь пожалеть, что в свое время мало сделали для того, чтобы этот талант и своеобразие раскрылись как можно полнее. Теперь остается читать то, что он успел опубликовать, наслаждаться игрой его интеллекта, учиться тому, что каждый способен воспринять, и бережнее относиться друг к другу. Прослойка наша, дорогие коллеги, тонкая и очень непрочная, давайте же хранить ее живой и по возможности здоровой, скрепляя доброй памятью об ушедших.

ЛИТЕРАТУРА

Архетипические структуры художественного сознания. Вып. 3. Екатеринбург, 2002. 219 с.

Большаков В. Н., Добринский Л. Н. Станислав Семенович Шварц. М.: Наука, 2002. 122 с.

Корона В. В. Хлоропластогенез. Аксиоматический подход // Мезоструктура и функциональная активность фотосинтетического аппарата. Свердловск, 1978. С. 74–78

Корона В. В., Руткевич Н. М. К методике определения продуктов метаболизма в свободном пространстве листьев // Вопросы регуляции фотосинтеза. Свердловск, 1973.

Мейен С. В. Листья на камне. Размышления о палеоботанике, геологии, эволюции и путях познания живого. М.: ГЕОС, 2002. 493 с.